

Марина
СЕРОВА

Тайна
раскроется
В ПОЛНОЧЬ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Тайна раскроется в полночь
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958463
Тайна раскроется в полночь : роман: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61594-0

Аннотация

Частного детектива Татьяну Иванову преследует просто наваждение какое-то – уже несколько человек сообщили ей, будто бы она нереально похожа на известного мистика Софью Златогорскую. Та умерла много лет назад, но ее философско-эзотерическое учение популярно и в наши дни. Вот и сейчас, едва увидев Татьяну, будущая клиентка Ольга Кооп чуть не упала в обморок и принялась нести чушь, уверяя собравшихся, что перед ней новое воплощение Златогорской. Муж экзальтированной дамочки Герман очень настойчиво пытается убедить детектива взяться за это дело. По его словам, Ольгу уже несколько раз пытались убить. И каждый раз его странная женушка заявляет: она всего-навсего повторяет путь Златогорской и, как ее Учитель, проходит уроки смерти. Правда, у этих уроков есть только один финал, и если сама Златогорская смогла пройти испытания с

помощью мистических помощников, то для Ольги стать ангелом-телохранителем придется Татьяне Ивановой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	43
Глава 7	55
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Марина Серова

Тайна раскроется в полночь

Глава 1

Это дело с несколько жутковатым мистическим «отливом» дало знать о себе примерно за неделю, когда я благополучно завершала другое – дело о брачных объявлениях, о котором расскажу как-нибудь в другой раз.

В тот день я совершенно случайно встретила Митю Царькова – своего давнего приятеля времен студенчества, который давно благополучно живет и трудится в Германии. Разумеется, мы оба дико обрадовались встрече, наобнимались-навизжались и даже пару часов посидели в ближайшем кафе, бурно обмениваясь воспоминаниями о нашей сумасшедшей юности и последними новостями.

Стоял октябрь с его бесконечными серыми дождями, срывающими листву с деревьев и выстилающими этим золотым ковром мокрые мостовые города. Поздно светало, рано темнело – обычная осень с ее классическим настроением, движущимся в сторону тоски зеленой, и все сокращающимся световым днем, отчего порою отчаянно хотелось закрыть

глаза на всю серость мира и, как медведь, отправиться в свою берлогу спать – до яркой и счастливой весны...

Мы с Митей выпустили весь бурный фейерверк своих впечатлений и эмоций, выпили каждый по пять чашечек ароматнейшего кофе, и уже под церемонию прощания (объятия, поцелуи, наилучшие пожелания, обмен номерами сотовых и электронными адресами) Митя вдруг взглянул на меня с легким интересным прищуром и заметил как бы между прочим:

– Дорогая моя, надеюсь, ты в курсе, что являешься практически полной копией знаменитой Софьи Златогорской: те же белокурые локоны, голубые, чуть удлиненные к вискам (русалочки!) глаза...

– Спасибо за комплимент, дорогой Митюня, насчет русалочьих глаз – очень красиво, но вот кто такая ваша «знаменитая» Софья Златогорская я, говоря по-нашему, по-колхозному, понятия не имею.

Митя только расхохотался.

– Ну, разумеется, ты ведь у нас стопроцентный реалист и прагматик. А между тем обозначенная Софья Златогорская – основательница Всемирного теософского общества, адепт белой магии, автор целого ряда книг... В Германии последнее время многие буквально с ума по ней сходят, книги – нарасхват. И, знаешь ли, всю свою юность она дама провела в нашем славном городе Тарасове, где ее дед был губернатором. Так что от всей души тебе советую: хорошенько поройся в своем гинекологическом древе – вдруг вы родня!

Разумеется, я тут же погрозила ему пальчиком (хорошая шутка – «перепутать» генеалогическое древо с гинекологическим), выслушала его ответный жизнерадостный гогот и пообещала непременно посоветоваться по данному вопросу... с гинекологом. На том мы и расстались.

И вот прошла неделя. В тот день я, успешно завершив очередное дело, на пару с клиентом подводила итог, так сказать, сводя кредит с дебетом, в ресторане «Каир». Клиент был на редкость жаден и расчетлив до мелочности, яростно отстаивал в буквальном смысле каждую свою трудовую копейку, при всем при том благополучно проводя свои трудовые будни в золотых стенах центрального офиса Газпрома.

Выслушивая все его аргументы и цифры, которые он зачитывал мне из специального блокнота в солиднейшем переплете из крокодиловой кожи, скрупулезно перечисляя все мои траты по ходу дела, словно он лично следил за каждым моим шагом, я отчаянно сдерживала зеवоту и, в свою очередь, мысленно подсчитывала стоимость нашего ужина с вином, потому как можно было заранее быть уверенной на все сто процентов, что когда официант деликатно положит на столик кожаную папочку с чеком, этот жадиана непременно предложит каждому платить за себя.

Итак, наше не слишком веселое застолье наконец-то подошло к концу. Мы договорились об общей сумме оплаты моих трудов и расстались почти что друзьями, не считая то-

го, что я только и мечтала поскорее проститься с этим газ-промщиком и никогда больше не встречать его, образно говоря, на перекрестках моей судьбы.

Я чуть задержалась за нашим столиком, чтобы дать клиенту возможность покинуть ресторан первым. Вот тут, когда я уже со вздохом облегчения готова была подняться и проследовать на выход, ко мне внезапно и подошел тот мужчина, пока что совершенно безымянный, с несчастными светлыми глазами, постоянно меняющими свой цвет от голубого до серебристо-серого.

– Извините, – произнес он приятным негромким голосом, – ведь вы Татьяна Иванова, не так ли?

Кстати сказать, меня действительно зовут Татьяна Иванова, я – частный детектив из славного города Тарасова с весьма неплохой репутацией, что в самом буквальном смысле не дает мне времени и на минимальный отдых. Именно об этом я и подумала, как только этот светлоглазый мужчина завел свою милую приветственную речь. «Сейчас предложит мне очередное дело», – вяло предсказала самой себе я, мечтая лишь об одном: поскорее вернуться домой да залечь спать, если и не на всю грядущую зиму, то, по крайней мере, до завтра.

– Вы – частный детектив, и мне приходилось слышать о том, что многие уголовные дела в городе блестяще раскрываются нашей полицией по вашей прямой наводке, – продолжал мужчина.

Черт, а он знал, как заставить меня проявить к его речи хотя бы минимальный интерес, хоть на мгновение пошире раскрыв глазки!

В ответ на эту его тираду я улыбнулась более тепло, и он продолжил, все больше воодушевляясь:

– Позвольте мне пригласить вас к нашему столику и познакомить вас с моей супругой Ольгой. Дело в том, что как только она вас здесь увидела... боже мой, это все сложно объяснить, но отныне вы для нее – Учитель, я имею в виду, в духовном плане. Наверное, тут следует сразу же ввести вас в курс дела. Ольга увлечена всей этой эзотерикой, Древним Египтом и прочим в том же духе. А мне это только на руку, потому что я уже пару дней никак не выкрою время, чтобы найти ваши координаты, встретиться и уговорить заняться нашим делом.

Да уж, у этого человека был истинный талант вполне лаконично и емко передавать солидный объем информации.

Факт номер один: он вовсе не влюбился в меня, заведя скупачущей за столиком с толстопузым мужичком, наоборот – меня заметила его супруга. Что ж, одной проблемой меньше – значит, этот светлоглазый блондин не будет волокаться за мной, пытаясь совратить, как многие из прошлых моих клиентов, словно постельные утехи входят в комплекс моих дедуктивных услуг.

Факт номер два: его жена, видимо, слегка помешана на всех этих восточных учениях в духе «харе, Рама, харе,

Кришна», судя по тому, как муж скромно обозначил, что я для нее «Учитель в духовном плане».

Факт номер три: в этой славной семейке назревает некое уголовное дело, раз парень давно собирался обратиться ко мне за помощью.

И факт номер четыре: мужчина должен быть, мягко говоря, не беден, судя по тому, что «никак не мог выкроить время» на нашу встречу (весь в работе, а кто нынче будет вкалывать за копейки?), а также по месту сегодняшнего ужина с супругой – ресторан «Каир», скажем так, не из самых дешевых в Тарасове.

Итак, сложив все это в своей сонной головушке, я постаралась встряхнуться, проснуться и улыбнуться потенциальному клиенту, в лучшую сторону отличавшемуся от своего предшественника. В нашем деле главное – работать, дабы не потерять свой имидж и квалификацию, и при всем при том хорошо зарабатывать. Как говорится, денег должно быть столько, чтобы о них можно было не думать.

Сами понимаете: в итоге подобных рассуждений я очень мило улыбнулась и кивнула в ответ на приглашение мужчины занять место за их столиком. Тут, кстати, он наконец и представился, предварительно хлопнув себя по лбу:

– Ах, прошу прощения, вас-то я знал заочно, а вот сам забыл представиться: Герман Кооп, можно без отчества, нам ведь с вами далеко до пенсии.

Разумеется, с этим я не могла не согласиться, еще раз кив-

нула с любезнейшей улыбкой и прошла вслед за Германом к его столику.

Что ж, его супруга была вполне милой и симпатичной, но вот пытаясь определить ее возраст, можно было запросто растеряться. Встречались ли вам люди одержимые или, говоря проще, круто повернутые на какой-нибудь идее фикс? У таких всегда в лице есть нечто, что накрест перечеркивает возраст – им с одинаковым успехом можно дать как двадцать, так и пятьдесят годков.

Именно к таким относилась и супруга Германа: узкое, чрезвычайно худое, если не сказать изможденное, лицо, бездонные черные пропасти глаз, бледный рот... При виде меня она судорожно сжала рукой салфетку, так что у меня мелькнула мысль, что через пару секунд от салфетки ничего не останется – она попросту сгорит в ее худой нервной руке, как в адской печи.

– Позвольте представить вам мою супругу: Ольга Кооп... Дорогая, познакомься с нашей гостьей, о которой, если помнишь, я тебе уже говорил: Татьяна Иванова, частный...

– Софья! – неожиданно перебила его супруга, явно пропустившая мимо ушей всю приветственную тираду; она буквально пожирала меня своими безумными глазами. – Наконец-то мы встретились.

В этот момент мы с Германом оба ощутили неловкость и замешательство. Герман – потому как его Ольга чересчур уж сразу кинулась в бой, по-своему, знакомясь со своим Учите-

лем, я – потому как терпеть ненавижу всякие такие вот личности не от мира сего, что живут в собственном мире, плюя на законы и условности нашего, банального общечеловеческого. Как бы то ни было, а уж дел с подобными персонами я предпочитаю даже не начинать.

Вот почему, как только прозвучала эта торжественная фраза о встрече с некоей Софьей, к коей Татьяна Иванова не имела ни малейшего отношения, я тут же резко развернулась к Герману.

– Извиняюсь, уважаемый, но я не работаю... э-э-э... с мистиками. Это мой принцип. А потому...

Я снова не успела договорить. Эта повернутая Ольга вскочила и решительно ухватила меня за рукав:

– Софья, не уходи, я так долго тебя ждала, умоляю!

Это уже было выше моих сил и терпения. Только чисто внешне я – хрупкая изящная блондинка (сама себя не похвалишь – от других не дождешься), сил у меня достаточно. Потому я осторожно, но сильно взяла худую Ольгину руку двумя пальцами и, легко «отклеив» от своего локоточка, насильственно-ласково уложила назад, на столик. После этого я лишь выразительно взглянула на покрасневшего Германа, потерявшего дар речи после выходки женушки, и без лишних слов и восклицаний энергично направилась на выход.

Что ни говори, а в тот октябрьский сырой вечер общением с нестандартно жадными и нестандартно экзальтирован-

ными личностями Тарасова я была, что называется, сыта по самое горло.

Глава 2

Как вы и сами понимаете, на этом мое общение с семейством Кооп не завершилось. Но – все по порядку.

В тот же самый вечер, вернувшись домой, я окончательно пришла к выводу, что имею полное право на стопроцентный отдых. Для начала, нацепив наушники, я поблаженствовала в ванне с ароматическими добавками и морской солью, слушая дивную музыку, не думая ни о чем. После этого я вышла, завернувшись в махровую простыню, на кухню, заварила себе чай пуэр и с чашкой ароматного напитка вернулась в гостиную и устроилась на диване перед вполголоса бубнящим телевизором. На этом мое короткое блаженство и завершилось.

Раздался резкий телефонный звонок, невольно заставивший меня вздрогнуть. Я взглянула – на экране высветился неизвестный мне номер. Я вздохнула, с сожалением посмотрела на чашку чая в своих руках и, поставив ее на журнальный столик, взяла трубку:

– Да, слушаю.

– Добрый вечер еще раз, Татьяна. Прошу вас, не бросайте трубку!

Вот еще! Признаться, приятного мало, когда меня принимают за нервную дамочку, бросающую трубку, едва слышав не слишком приятный голос. Я – частный детектив и

привыкла держать себя в руках. Потому мой голос звучал сухо:

– Извините, а почему я должна бросать трубку? Лучше представьтесь и сообщите цель вашего звонка.

Человек на том конце провода с явным облегчением перевел дух.

– Ну, конечно, вы правы, а я должен просить у вас прощения – и за то, что сразу не представился, и за сегодняшний неприятный инцидент в «Каире», произошедший по моей вине из-за Ольги...

Все понятно – эта реплика заменяла необходимость представиться.

– Ясно. Вы – Герман Кооп, можете не представляться. Лучше сразу переходите к делу – так что же вы хотели сообщить мне в вышеупомянутом ресторане?

– Я хотел просить вас расследовать два случая, когда, по моему глубокому убеждению, были совершены покушения на жизнь моей жены Ольги. Все это произошло за последние три недели.

Отлично! Как говорится, краткость – сестра таланта: Герман Кооп все объяснил буквально в двух словах.

– Понятно. Я, в свою очередь, перед вами извиняюсь, но сегодня я совершенно разбита и лишена каких-либо сил. Давайте встретимся завтра в любом месте на ваш выбор, где вы могли бы спокойно изложить мне все обстоятельства дела и ответить на все вопросы. Единственное мое требование:

чтобы при нашем первом разговоре вашей милой супруги и близко не было. Предупреждаю сразу – органически не переносю всевозможных самопальных ведьм, адептов магии и иже с ними. Без обид.

– Я вас понимаю, – торопливо ответил Герман, – и всецело разделяю вашу позицию. Но что поделать! Ольга, несмотря на то, что ей двадцать пять лет, до сих пор так и осталась ребенком, и я чувствую свою ответственность за ее судьбу. При всем при том хотел бы заметить, что в ней нет ни капли зла: она кормит всех окрестных бездомных собак и кошек, а на ее собственную жизнь за последний месяц было реально совершено два покушения. Но Ольга, она... Она полагает, что просто идет по стезе своего Учителя – Софьи Златогорской, на которую вы, кстати, действительно очень сильно похожи, поверьте мне на слово...

Только при произнесении этой последней фразы про нашу с Софи схожесть я и вспомнила свой не столь давний разговор с Митей и, в частности, его аналогичное заявление о том, что я удивительно похожа на эту самую Златогорскую.

– Хорошо, Герман, похожа так похожа. Говорите, где и во сколько мы с вами завтра встретимся.

Вот тут он повел себя наилучшим образом, отозвавшись быстро, четко и ясно, без лишних слов и предисловий:

– Если вам это удобно, то предлагаю встретиться ровно в час дня на набережной, у памятника святому Валентину.

– Меня все устраивает, – я даже кивнула, представив себе

этот памятник, у которого назначали свидания влюбленные города. – Итак, завтра, в час дня, у памятника на набережной. До встречи!

Теперь я могла спокойно выпить свой слегка остывший пуэр и тут же, открыв у себя на коленях ноутбук, набрать в строке поиска это самое, приклеившееся ко мне столь неожиданно и решительно, имя – Софья Златогорская. Не люблю, взявшись за новое дело, чего-то не знать. А тут, судя по всему, слишком многое было завязано именно на этой парочке: Софья – Ольга.

Интернет, как всегда, дал мне море возможностей изучить жизнь этой дамы со всех сторон. Златогорская оказалась на редкость замечательной особой. Поскольку ее мать умерла практически сразу после рождения Софьи, девочка с самых ранних лет воспитывалась бабушкой – женой нашего, тарасовского губернатора, свободно читавшей и изъяснявшейся на шести языках, виртуозно игравшей на флейте, состоявшей в переписке с ведущими философами Европы и писавшей исторические труды.

Малышка Софи, кроме того, что была очень умна и легко усваивала все науки, с самого раннего детства отличалась от остальных своих сверстников и в другом плане: ей постоянно слышались некие голоса, она видела все болячки первого встречного, словно была не человеком, а настоящим рентген-аппаратом, а также неоднократно предсказывала грядущее.

щие события, как-то: смуты в городе, неурожаи и стихийные бедствия, болезнь и смерть порою совсем незнакомых людей.

Больше всего она обожала лето, потому как тогда все семейство губернатора перебиралось на свою дачу на берегу Волги, в большой старинный дом с громадным подвалом, где, по преданиям, в давние смутные времена пытали и казнили бунтовщиков из крестьян. Именно здесь, в извилистых лабиринтах этого гигантского подвала, Софи «обжила» для себя просторное помещение, которое назвала Залом Свободы, потому как именно в нем успешно пряталась от людей, когда не желала ни с кем общаться.

Когда Златогорская стала взрослой девушкой, ей начал являться в видениях некий таинственный индивид с головой ибиса, представлявший не иначе как Гермес Трисмегист. Отныне именно он направлял ее дальнейший путь. Отсюда-то и пошла деятельность знаменитой Златогорской: ее поездка в Каир, встречи с местными эзотериками, посвящение; затем она отправилась в Лондон, где и прошел остаток ее короткой, но яркой жизни. В Лондоне она основала эзотерическое общество под названием «Амон-Ра», написала и издала массу своих трудов, которые и принесли ей настоящую славу, а завершив последний труд, мирно скончалась во сне в возрасте тридцати трех лет.

Надо ли говорить, что с особым интересом я рассматривала фотопортреты Златогорской, в конце концов придя к выводу, что у нас с ней действительно много общего – светлые,

удлиненные к вискам глаза, вьющиеся русые волосы, стройная фигура...

Разумеется, все это перечисление вызвало у меня удовлетворенную улыбку (хороша я, хороша!) и снисходительное прощенье в адрес Ольги Кооп – что ж, девушку можно понять: грех не увлечься такой яркой личностью, да с моей внешностью! Меня особенно задел некий штрих: Софья Златогорская, красавица и умница, за все тридцать три года своей жизни ни разу не была замужем, хотя в те времена женщины практически не жили поодиночке, разве что если были очень уж богаты. А наша славная София была не из слишком богатой семьи, да к тому же, покинув отчий дом, сама добывала себе средства к существованию публикацией мистических рассказов, а позже – своих эзотерических трудов. То бишь и в этом плане мы с ней – как родные: я тоже никогда в жизни не зависела от сильного пола в материальном плане.

Кроме всего прочего, лично меня среди других интересных особенностей Златогорской особенно заинтересовало ее увлечение Таро: по отзывам многочисленных и вполне уважаемых современников, Софья виртуозно «читала» расклады карт, со стопроцентной точностью предсказывая дальнейшее развитие событий – будь то в судьбе отдельного лица или в истории города, а то и целой страны.

Конечно, и эта деталь нас также очень роднила: я, начиная каждое новое дело, непременно бросаю кости, а Софья делала расклад для себя лично, прежде чем принять какое-либо

важное решение или отправиться в поездку. Стало быть, и здесь мы с ней были как две капли воды.

Завершая тот день, я достала мешочек с костями, чтобы по давней своей традиции узнать, что скажут мне эти самые кости по поводу предстоящего дела. Выпали цифры семерка, восьмерка и четверка, а соответственно ответ на мой запрос звучал примерно так: верь и надейся, будь терпелива – все зависит от твоей способности вовремя проявить себя.

Да уж, что ни говори, а это мистическое дело начиналось с самого мистического совета, от которого веяло холодком опасности. Кто-то другой, может, и отказался бы подру-поздорову от этого подозрительного дельца. Другой – но не я. В конце концов, при всем явном внешнем сходстве с Софьей Златогорской мне предоставлялась блестящая возможность доказать, что, создавая меня, Бог-батюшка тоже не отдыхал мозгами и я, Татьяна Иванова, частный детектив города Тарасова, ничуть не хуже знаменитой адептиши.

Я аккуратно убрала кости назад в мешочек и отправилась спать.

Глава 3

Сразу отмечу: в ту ночь мне ничего не снилось, абсолютно ничего! Это я к тому, что спустя несколько часов Ольга Кооп вцепилась в меня, требуя ответить, слыхала ли я во сне ее воззвания! Она лично была убеждена, что я чисто из вредности это скрываю, а на самом деле все прекрасно слышала. Во-первых, потому что я – ментальное продолжение Златогорской, ее второе «я» на Земле, во-вторых, потому что она лично всю ночь отправляла мне мощнейшие сигналы, а в-третьих, потому что я сама явилась в их дом.

Но все это было позже. Утро было таким же, как всякое другое утро позднего октября. Я проснулась от звука дождя: он монотонно бил по стеклам окон и по подоконникам, ненавязчиво и мягко будил меня, давая понять, что новый день уже начался. На самом деле об этом было не так просто догадаться: за окном царила еще и не думавшая рассеиваться тьма, которую нарушали лишь тусклые пятна фонарей вдоль улиц да свет многочисленных окон там и тут в домах напротив.

Я посмотрела – часы на тумбочке показывали шесть сорок. Я ощущала себя вполне выспавшейся и полной сил, а потому поднялась и, набросив на плечи халатик, отправилась в ванную принимать утренний бодрящий душ.

После душа, полностью повторяя свой ежедневный сценарий, я начала колдовать над кофе на кухне, а заодно сунула в микроволновку булочки с маком – чуток подогреть, потому как, сами понимаете, в такие вот сырые осенние дни каждый из нас особо ценит все горяченькое да согревающее.

Столь подробное описание моего утра также не случайно – я опять-таки хочу лишний раз подчеркнуть, что начиналось это мистическое дело самым банальным образом, несмотря на то, что Ольга Кооп с первых шагов моего расследования пыталась упорно доказать обратное.

Надо быть практиками, господа! Единственным, что хоть как-то увязывалось с мистикой в тот день, была моя мысль во время завтрака – я просто вспомнила высказывание одной своей старой (и безобразно толстой) знакомой, которая как-то заметила, злобно поглядывая на мою талию, что «жрать все подряд и оставаться при этом стройными могут только ведьмы», а я тут же ответила ей в том же духе: «Да, я ведьма и горжусь этим». Вот и все – больше ничего ведьмовского или мистического в тот день и близко не было.

Я уже говорила, что буквально накануне полностью рассчиталась со своим предыдущим клиентом. А за завершением дела у меня, как правило, всегда следует генеральная уборка в доме и стирка – во время следствия времени на это не хватает.

Времени до встречи с Германом Коопом оставалось достаточно, а потому я, подвязав волосы платочком, заряди-

ла бельем стиральную машину, а сама взяла в руки пылесос и принялась от души наводить блеск-красоту во всей своей милой и уютной квартире.

Я вытягивала пыль из щелей и с поверхностей, а заодно избавлялась от лишнего в памяти и голове, постепенно и неторопливо настраиваясь на новое дело. Новое дело – новые люди, их жизнь и привычки, в клубок переплетающиеся судьбы. Вот почему так важно с первых же шагов найти контакт с клиентом и его окружением. Между тем в данном конкретном случае меня с самого начала едва не вывела из себя жена этого клиента – жертва, в чьих интересах я и должна действовать...

В сущности, и что же меня так раздражало в этой Ольге Кооп? Я сама, лишь мельком ознакомившись только с основными вехами судьбы Софьи Златогорской, отдавала себе отчет, что это была действительно неординарная, во многом фантастическая личность. А данные Интернета и моего приятеля Мити таковы, что и сегодня, спустя столетия, по всему миру множество вполне здравомыслящих людей почитают себя ее поклонниками и последователями.

Во всем есть свой резон. Кто-то увлечен физикой, кто-то – эзотерикой, а если смотреть в общем и целом, то вполне возможно, что и та и другая науки говорят примерно одно и то же, просто на разных языках. И потом, я ведь и сама не начну новое дело, не бросив кости для предсказания. Что это – суеверие? Или просто вера в высшие силы, посылаю-

щие мне свои мудрые ответы на самые простые, если не сказать банальные, вопросы?

Я выключила пылесос и осмотрелась – шик, блеск, красота! Мой милый дом, моя надежная крепость! Если выражаться фигурально, то мой дом – это в какой-то мере я сама, мы – одно целое. Чтобы лучше понять, представьте себе улитку: свой дом она несет на своих собственных плечах, то прячась вовнутрь и мирно засыпая, то выглядывая наружу и продолжая свой путь. Разумеется, я не могу таскать повсюду за собой свою двухкомнатную квартиру в центре Тарасова, но ощущение дома всегда со мной, оно дает мне силы и энергию, поддерживая и при необходимости защищая.

Вот так в ходе неторопливого рассуждения я пришла в принципе к затертому и сто раз до меня сделанному другими выводу: все мы грешны, кто более, кто менее, а потому надо относиться друг к другу с долей снисхождения.

Сами понимаете, к встрече с клиентом я была вполне готова, а потому, приняв согревающе-ободряющую порцию кофе, который всегда немного ароматнее и чудеснее именно в такие вот серые и мрачноватые утренние часы поздней осени, я по-быстрому сделала макияж, надела теплые брючки и свитерок без затей (и то, и другое – благородного цвета индиго), сапожки, удобный анорак, спустилась к своей «девятке» и вырулила из двора. Мой курс был прост: набережная, памятник святому Валентину, по соседству с которым как раз находилась удобная парковка.

В любой другой день я бы отправилась к месту встречи пешком, чтобы заодно проветриться, но холодный нескончаемый дождь за окном совершенно не вдохновлял на романтические прогулки, а потому я с удовольствием рулила, включив вполсилы радио, где пела Селин Дион. Мелодия песни удивительно совпадала с этой дождливой меланхолической погодой.

Приближаясь к набережной, глядя, как трудяги-«дворники» на ветровом стекле безостановочно работают, не успевая очищать его от дождевых капель, я подумала, что если мой клиент не дурак, то немного подкорректирует свои планы и пригласит меня в какое-нибудь кафе или ресторан, коих вдоль всей набережной видимо-невидимо.

На деле все получилось еще роскошнее: он пригласил меня в свой дом. Да уж, что ни говори, а я быстро поняла, что он далеко не дурак.

Глава 4

Герман Кооп встречал меня, неподвижно стоя под огромным черным зонтом у ног каменного святого Валентина, замершего с голубем на плече под небесными потоками. Герман тут же заметил меня за рулем автомобиля, подбежал и распахнул дверцу, тут же принимая под свой зонт.

– Какая погода, а? Не дождь, а целый потоп. Настоящая пушкинская осень! Сказать по правде, я с самого детства безумно влюблен именно в осень с ее бесконечными дождями и золотыми листопадами.

Это были его первые приветственные слова. Я, невольно ощущая себя грубоватым и сухим прагматиком, тут же захотела изречь что-нибудь в духе «Батенька, да вы поэт!», но вовремя придержала язычок, тут же напомнив самой себе свои же собственные выводы этого утра: все мы грешны, кто более, кто менее. Другие изъясняются ненормативной лексикой, попросту говоря, матюгаются, а вот наш Герман чуть ли не стихи мне читает – и что в том плохого?

Мы стояли с ним под его зонтом, и я в очередной раз пыталась понять саму себя: отчего меня так раздражает это молодое семейство Кооп? Супруга Ольга – своей святой страстью к ее Учителю Софье, Герман – высоким, если не сказать поэтическим, слогом. Я еще раз мысленно погрозила самой себе пальчиком, наказав не глупить и не раздражаться по пу-

ствакам.

И все-таки в моей ответной реплике прозвучала толика сарказма:

– В таком случае, Герман, я вам от всей души завидую: для вас бродить под холодным дождем по набережной, возможно, истинное наслаждение, а вот для меня это настоящее наказание.

Он тут же стер с лица свою восторженную поэтическую улыбку.

– Ради бога, извините, я опять забыл сразу же все объяснить. Я не садист и вовсе не собирался излагать вам суть дела, бродя под дождем по набережной. Дело в том, что наш дом – буквально в двух шагах, вот я и решил, что мы с вами встретимся здесь, чтобы у меня была пара минут минимально ввести вас в курс дела, пока мы не шагнем... Извиняюсь за патетику! – пока мы не шагнем под своды дома. Но вы и сами все скоро увидите и, думаю, со мной согласитесь. Ну, что – отправляемся? Клянусь, эта прогулка вас не утомит.

И мы пошли по направлению к городскому парку, прозванному тарасовцами Наполеоновским – потому как посадили его, бесславно окончив войну 1812 года, пленные французы армии Наполеона.

– Видите ли, наверное, мне с самого начала следовало представиться вам полностью, – начал свою мини-исповедь Герман, обещавший успеть высказаться за три-четыре минуты пути. – Наверное, я надеялся, что вам сама по себе что-

то скажет моя фамилия, но ошибся. Татьяна, я – владелец крупнейшей во всей нашей Тарасовской области строительной компании «Мой Дом», мы строим особняки и многоэтажные дома. Особо хочу отметить, что мой бизнес абсолютно легальный, я сам проделал весь путь от рядового прораба до владельца холдинга и на сегодняшний день являюсь одним из немногих, кто честно платит все налоги, не занижая своих реальных доходов. Эти скучные данные я сообщая вам, Татьяна, с одной целью – чтобы объяснить, почему все мое большое семейство живет в старинном особняке, который некогда был дачей деда Софьи Златогорской: уж извините еще раз, но этого имени нам не удастся избежать, на нем слишком многое замешено в нашем деле.

Он глубоко вздохнул и тут же поторопился продолжить: – Моя жена, как вам уже известно, рьяная последовательница или поклонница Златогорской, и именно она настояла на том, чтобы я купил именно этот дом, случайно прослышав, что здание пустует и разрушается. Я, как положено, провел полный капитальный ремонт, все модернизировал и, что называется, довел до ума, и тут же к нам заселился целый кагал родни – родня, за исключением родителей Ольги, вся моя. Люди простые, они сразу заявили, что я, такой богатый, не могу оставить за порогом их, живущих на скромные доходы.

Он на минуту замолчал, переводя дыхание – от быстрой речи Герман раскраснелся и начал слегка задыхаться.

Впору было и мне задохнуться от всей этой информации. Господи, сначала я чисто случайно услышала комплимент, что дико похожа на некую Златогорскую; почти тут же ко мне бросается жена потенциального клиента с криком «Учитель!»; я мимолетно изучаю биографию адептши, узнаю, что, оказывается, ее детство прошло в моем родном городе Тарасове и что любимым домом ее была дача деда-губернатора на берегу великой Волги – и тут же выясняется, что именно в этом доме мои клиенты и проживают! Чудеса, да и только!

Между тем Герман явно торопился досказать эту часть своих сведений, с очевидной опаской бросая тревожные взгляды вперед, на приближающуюся «зону особняков» в районе парка.

– И вот, как только мы въехали в этот дом, сразу начались... Даже не знаю, как это назвать... Странные вещи! То тут, то там стали появляться книги Златогорской – современные, издания последних лет, и все же как они могли появиться в доме, если никто так и не признался в их покупке? Между тем один из томов лежал с утра пораньше на моих тапочках у кровати...

Еще пара глубоких вздохов.

– Многим слышались чьи-то отдаленные голоса и смех. А уж моей бедной Ольге... Господи, такое впечатление, что главный массированный удар все эти духи или силы старого дома сконцентрировали именно на ней. Она слышала целые откровения! Днями и ночами перечитывала основные труды

Софьи Златогорской, бродила по коридорам и прислушивалась, что скажут ей стены. Но все это были, если можно так сказать, забавы. Серьезные события начались лишь в конце сентября.

Герман дышал как рыба, выброшенная на берег, – открывал рот и в буквальном смысле глотал воздух жадными глотками.

– Как я и сказал, в самых первых числах сентября этот самый голос наказал Ольге найти Зал Свободы в подвале дома, где некогда юная Софи пряталась от людей. Ольга немедленно потребовала от меня вскрыть дверь в этот самый подвал, который я поначалу едва не замуровал, решив, когда будет больше свободного времени, провести там настоящий, как положено, ремонт и оборудовать винный погреб. Пришлось вскрыть подвал раньше и обойтись без ремонта. Ольга бродила по нему, а я спасался работой, едва ли не ночуя в своем офисе. Да иначе я бы с ума сошел, думая, не свалился ли на голову Ольге какой-нибудь кирпич в этом самом подвале! И он свалился, можете себе представить!

Герман даже приостановился, глядя на меня полным отчаяния взглядом: я отметила про себя, что в тот момент его глаза приняли серебристо-серый оттенок – в тон дождливому небу.

– Все выглядело как банальный несчастный случай: она остановилась, опершись рукой о полуобвалившуюся стену, и тут сверху ей на голову рухнул солиднейший пласт кирпи-

чей. Просто счастье, что Ольга, несмотря на ее худобу, очень сильная и выносливая. Она потеряла сознание лишь на мгновение, почти тут же поднялась и вдоль стеночки пошла на выход. Видели бы вы, как ужасно она выглядела, внезапно появившись передо мной в темном коридоре: бледная, вся в крови... Признаться, в тот момент я сам готов был поверить, что передо мной самое настоящее привидение!

Герман в очередной раз перевел дух и, внезапно побледнев, кивнул на крепкий двухэтажный особняк:

– Вот он, этот нечистый дом...

А посмотреть здесь было на что: под серым мрачным небом, под серым мрачным дождем у самой ограды парка возвышался длинный серый мрачный дом. В два этажа высотой, с целым рядом высоких окон, с кариатидами, трагически поднявшими к плачущим небесам свои бездонные очи, держащими на плечах своды арки над массивной входной дверью.

– Неслабо, – только и смогла выговорить я, невольно совсем по-старушечьи покачав головой, и перевела взгляд на печально улыбавшегося мне Германа. – Как говорится, скромненько, но со вкусом.

Он только усмехнулся, тем самым дав понять, что вполне оценил мой юмор; сложил зонт, каким-то необычным ключом открыл дверь и гостеприимно пропустил меня вперед:

– Добро пожаловать в нашу скромную обитель.

Глава 5

В обширной овальной прихожей, которую в пору было называть парадной залой, нас встречала голубоглазая светловолосая девушка, забавно, почти по-детски полуоткрывшая рот при моем появлении.

По всему выходило, что она давно ждет прихода частного детектива Татьяны Ивановой, не решаясь ни на шаг отойти от двери, дабы не пропустить торжественный момент появления.

– Здравствуйте, Татьяна!

Это было ее приветствие, произнесенное со всем юношеским восторгом. Было ей на вид лет шестнадцать-семнадцать, а в этом возрасте, известное дело, всем нам нужен кумир. Разумеется, и мне было весьма приятно.

– Добрый день.

Тут слово решительно взял Герман, чье лицо от неловкости ситуации немедленно пошло красными пятнами.

– Раз уж нас тут встретили, позвольте вас друг другу представить: Наталья, моя племянница, сами видите, красавица и умница; ну, а тебе, Наталья, думаю, нет нужды представлять Татьяну, ты у нас все знаешь вперед всех. А теперь, ради бога, не отвлекай нас – нам необходимо серьезно поговорить.

– А я не собиралась никому мешать, – немедленно обиделась девушка. – Я просто хотела поздороваться, и все.

И Наталья, еще раз приветственно мне улыбнувшись, исчезла, свернув в один из коридорчиков, уводящих из прихожей в глубины дома.

Как только она исчезла, Герман, тревожно оглянувшись, решительно взял меня под локоток и торопливо увлек за собой в прямо противоположный коридорчик. Практически сразу же мы свернули в переход и поднялись по деревянной широкой лестнице на второй этаж, попав в следующий коридор – широкий, мрачноватый, с несколькими высокими дверями вдоль него.

Герман гостеприимно распахнул передо мной крайнюю из них:

– Прошу вас! Устраивайтесь поудобнее – надеюсь, в моем рабочем кабинете нам никто не помешает.

Что ж, кабинет полностью соответствовал сдержанно-благородному стилю этого дома: высокие деревянные панели стен, камин с расставленными перед ним полукружьем креслами; вдоль всей стены напротив окон, от пола до потолка, деревянные стеллажи с тускло отсвечивающими корешками книг. А в другой части кабинета стояли массивный рабочий стол со старинной лампой под зеленым абажуром, диванчик на полусогнутых ножках и удобные объемные кресла, в одно из которых и предложил мне усаживаться Герман. Сам он устроился за письменным столом.

– Итак, не будем терять время, – отрывисто проговорил

он. – Я извиняюсь, но прошу меня понять: моя работа – это не просто получение баснословной прибыли, как полагает моя родня, это прежде всего едва ли не круглосуточная занятость. Потому я хочу с максимальной пользой провести этот с трудом выкроенный на наше с вами общение час.

– Лично я – только «за». – Изучая обстановку кабинета, я одновременно наблюдала за своим собеседником. – А потому давайте для начала вы перечислите мне всех, кто проживает с вами под крышей этого дома.

– Разумеется, вы должны быть в курсе, – кивнул Герман. – Я заранее отпечатал для вас список, чтобы он всегда был у вас под рукой, но с ним вы ознакомитесь чуть позже.

Он протянул мне тонкий файл и махнул рукой.

– А сейчас, наверное, лучше мне как можно подробнее рассказать вам о втором покушении.

– Вы так уверенно называете это вторым покушением, – осмотревшись, я поудобнее устроилась в кресле и всецело сосредоточилась на бледном лице своего собеседника. – Значит ли это, что вы на все сто уверены: кирпич упал на голову вашей жене не случайно?

– Вы сейчас сами убедитесь, что в этом деле быть в чем-то уверенным на все сто чрезвычайно трудно. – Его усмешка вышла слегка кривой. – Хотя я сам и убежденный атеист, но тут чувствую: еще немного, и сойду с ума! Слишком много... необъяснимого! Мистики. Одно противоречит другому. В случае с кирпичом, к примеру, врач и вызванная им

полиция хором утверждали, что это действительно простой несчастный случай, и посоветовали Ольге не лазить по подвалам. А вот я ощущал непонятную тревогу и потому сам, лично, после «экскурсии» с полицией еще раз спустился в подвал и прошел по ее пути, чтобы все перепроверить – откуда конкретно свалился кирпич и как это произошло. По возможности на днях я сам проведу вас в подвал и покажу то самое место.

От волнения Герман поднялся и, пощелкивая пальцами рук, прошелся по кабинету, остановившись прямо передо мной.

– В том самом месте некогда была чисто декоративная стена, немного не доходившая до потолка, с аркой-углублением по центру. Что интересно: если, цепляясь за кирпичи, залезть до верха этой стены, то запросто можно попасть в другую часть подвала. Я ясно излагаю?..

Ольга, по ее собственным словам, явилась в этот Зал Свободы по прямому приказу Софьи Златогорской – вроде как в очередной раз услышала ее голос или нечто в том же роде. Тот же голос приказал ей найти арку, у которой некогда Софье впервые явился ее Трисмегист, и замереть рядом с ней. Ольга же по собственной инициативе поначалу «нырнула» в нишу этой арки – по ее словам, чтобы там загадать желание. А как только она вынырнула, на нее рухнул этот гигантский не кирпич – целый пласт кирпичей. Я все проверил: поднялся до края той стены при помощи лестницы и увидел

что бы вы думали? Эта стена оказалась довольно толстой – в три кирпича толщиной, и на самой вершине была этак аккуратно уложена еще парочка таких же кирпичных стопок. А с обратной стороны стены, где, должно быть, и находился наш неудавшийся убийца, была установлена старая лестница. Вот и думайте сами – случайно упал наш кирпич или нет?

Он откашлялся, выпил стакан воды и продолжал чуть хрипловатым от волнения голосом:

– Как только Ольга пришла в себя и ее выписали из клиники, я попытался расспросить ее, как и что происходило в тот день. В ответ она лишь улыбнулась и произнесла буквально следующее...

Тут Герман открыл дверцу письменного стола, достал и положил перед собой довольно потрепанную книгу, легко открыл ее на заложенной закладкой странице.

– «Вы говорите, что на меня обрушилась стена, а я отвечаю: «Нет, это Гермес положил мне руку на плечо!» Вы говорите: «Бедное дитя, ты едва не погибла!», а я отвечаю: «Увы, я не дошла до рая всего лишь несколько шагов!»

Герман захлопнул книгу и со значением посмотрел на меня.

– Вы понимаете?

Что ж тут было не понять? Я кивнула.

– Я понимаю, что вы вслед за вашей супругой процитировали мне Златогорскую? Стало быть, первое покушение было точной копией произошедшего в том же подвале столетие

назад?

Он кивнул.

– Именно. Для этого достаточно прочесть всю главу, где Златогорская подробно все описывает.

С этим все было достаточно ясно, и я предложила Герману продолжать свой чрезвычайно четкий и сжатый рассказ.

– Второе покушение состоялось в день рождения Ольги: седьмого октября все наше семейство готовилось праздновать ее двадцатипятилетие. В тот день все было как обычно. Единственно, чем он отличался от других дней, – я ушел с работы чуть пораньше, чтобы по дороге забрать из бутика заранее заказанный букет из двадцати пяти алых роз. С этим букетом я вернулся домой и, стараясь, чтобы меня никто не заметил, сразу поднялся в комнату Ольги, где она обычно любила сидеть, слушая мантры или перечитывая свою Златогорскую. На этот раз ее почему-то там не было, а у меня сразу все так болезненно сжалось внутри. Я бросился в нашу спальню и увидел Ольгу. Она лежала на кровати – бледная как смерть, а весь ее живот был в уже загустевшей крови. Можете себе представить, что я ощутил?

Даже попросту пересказывая эти события, Герман страшно побледнел, словно в очередной раз пережил смертельный ужас.

– Опущу описание всех своих переживаний и эмоций, а также то, как отреагировало на этот ужас все мое семейство, готовившееся отмечать день рождения, а вместо того вынуж-

денное мгновенно разбежаться по своим кельям. Доложу вам лишь общий итог и выводы полиции. Итак, Ольга лежала без сознания, но дышала. Судя по всему, она была ранена в живот – точно понять было трудно, потому как весь низ живота был в крови. В крови были и руки Ольги, и тут же, на кровати, лежал окровавленный пистолет. Естественно, я тут же вызвал «Скорую помощь», а те, как и положено, поставили в известность полицию, с представителем которой я и встретился на пороге клиники, передав пакет с окровавленным пистолетом.

Я попыталась представить себе всю картину. Что бы я подумала, будь я на месте Германа? Естественно, что Ольга совершила попытку самоубийства. Между тем он мне за сегодняшний день несколько раз с особым нажимом повторил, что уверен: речь должна идти не о несчастных случаях и не о попытке самоубийства, а именно о покушениях на убийство.

– Извините, Герман, но почему вы в данном случае...

Он лишь нетерпеливо отмахнулся:

– Да подождите вы! Прошу вас, послушайте меня до конца... Да, внешне все было четко обставлено как попытка самоубийства. Но были такие мелочи, которые тут же бросились мне в глаза. Ольга панически боится любого оружия. А буквально за пару дней до всего этого кошмара она вдруг ни с того ни с сего зачитала мне отрывок все из той же автобиографии Златогорской. Оказывается, в ее судьбе был точно так же обставленный эпизод: как она сама описывает, ей

явился Гермес Трисмегист и дал в руки оружие, приказав выстрелить в себя «и продолжать жить дальше», назвав это «уроком смерти». Софья выстрелила... И осталась жить – рана зажила чудесным образом буквально за считанные дни. Помню, как Ольга, зачитывая мне этот самый эпизод, сказала, вся содрогнувшись: «А вот я бы просто не смогла взять в руки никакое оружие – по-моему, в любом оружии заключена черная энергия». Вот так вот. Это – первое.

Герман перевел дыхание и на мгновение прикрыл глаза. Тут же открыв их, он бросил тревожный взгляд на часы и поторопился продолжить:

– Второе. Ольга – левша. Между тем пистолет лежал с правой стороны. Понимаю, это мелочь. А третье... В тот же день, к вечеру, вернувшись из клиники, я встретил свою сестру, которая, чтобы выбросить пару пакетов, собиралась идти к мусорным бакам, которые были расположены там же, в конце улицы. Я сказал ей, что вынесу их сам – признаться, у меня просто не было сил подниматься в нашу темную, пустую спальню. Так вот, когда я открыл мусорный бак, первое, что бросилось мне в глаза, – окровавленные резиновые перчатки, брошенные кем-то поверх всего мусора. Хотите верить, хотите нет, но я готов поклясться, что это были перчатки неудавшегося убийцы: втиснув пистолет в руки Ольги и тут же бросив его на кровать, нарочно испачкав Ольгины руки в крови, он снял перчатки и сам остался чист.

– Вам следовало тут же вызвать полицию и потребовать

провести экспертизу крови на перчатках.

Он горько усмехнулся:

– Наша доблестная полиция встретила меня на пороге клиники такими словами: «Ваша супруга совершила попытку самоубийства – делайте выводы!» Они сообщили мне, что рассматривают происшествие именно в этом ракурсе, а потому закрывают дело. Посоветовали мне больше внимания уделять своей женушке. Что ж, я могу понять их точку зрения, но не могу игнорировать и свои ощущения. А они таковы, что кто-то из дома хочет убить Ольгу, все списав на якобы ее сдвиг по части Златогорской и придав смерти мистический оттенок. Разумеется, мне очень не нравится вся сложившаяся ситуация, я не могу нормально жить под одной крышей с родными людьми и знать, что кто-то из них на полном серьезе желает убить мою Ольгу. Я хочу точно знать, кто это. Вы меня понимаете?

Чего уж тут было не понять? Я кивнула. Впрочем, тут имелся еще один неясный момент, и я поспешила его прояснить:

– Герман, а откуда взялось оружие?

Он тут же ударил себя ладонью по лбу, благодарно взглянув на меня.

– Именно! Чуть не забыл самое главное. Полиция практически сразу вернула мне пистолет, дав команду немедленно зарегистрировать оружие в соответствующем отделе...

Тут он наклонился и, достав из стола, положил прямо пе-

редо мной пакет, из которого достал и осторожно протянул мне темный пистолет с надписью на стволе: «Browning model Baby, Belgium, 1907».

– Прошу вас взять этот пистолет, возможно, он пригодится вам в расследовании. – Он потер лоб, словно вспоминая все то, что хотел мне сообщить. – Дело в том, что, как выяснила экспертиза, выстрел действительно был произведен из этого самого пистолета – можете прочесть сами, это «браунинг» тысяча девятьсот седьмого года выпуска под названием «Baby». Клянусь вам, у нас сроду не было в доме ничего подобного, а сама Ольга, повторюсь, всю жизнь панически боится даже кухонного ножа.

Между тем старинные часы гулко звякнули – на циферблате было ровно двенадцать тридцать. Герман тут же нахмурился и деловито поднялся.

– У нас с вами осталось несколько минут. Я хотел бы, если вы не против, позвать сейчас сюда все семейство и представить им вас, а вам – их. Как вы на это смотрите?

– Положительно. Познакомимся и будем знать друг друга в лицо.

Герман молча кивнул и поднял трубку домашнего внутреннего телефона. Его разговор был так же лаконичен:

– Ольга? Ты не могла бы собрать всех у меня в кабинете?.. Да, да, я хочу, чтобы вы все познакомились с Татьяной – да, той самой, которую ты называешь своим Учителем, но только умоляю тебя...

На этом их диалог внезапно оборвался. Мы с Германом переглянулись, и я приготовилась к очередному экзотическому явлению Ольги, наказав себе делить все надвое и не принимать слишком близко к сердцу.

Глава 6

На сборы всего семейства не потребовалось и пяти минут: уже через парочку они все стояли прямо передо мной, разглядывая с самыми различными эмоциями: от полного обожания (Ольга) до пренебрежительного недоверия (девяносто процентов взрослого женского населения дома).

– Дорогие мои родные, – нарочито хмурясь, проговорил Герман, исподлобья оглядывая своих близких, – доведу до вашего сведения, что намерен точно выяснить, кто и по какой причине дважды пытался убить мою супругу Ольгу. Для этого я пригласил частного детектива с отличной репутацией – прошу любить и жаловать, Татьяна Александровна Иванова, к которой вы можете обращаться просто по имени – Татьяна. Моя личная просьба к каждому из вас: отвечайте на все ее вопросы честно и откровенно. Вот и все. Кому-то что-то непонятно?

На мгновение в комнате наступила полная тишина, и тут же все загудели: народ задвигался, зашевелился, разворачиваясь друг к другу и бурно выражая свои эмоции – по большей части явно негативные.

– И что ж это ты хочешь сказать?! Что мы, твои родные, все – убийцы?! – гневно выкрикнула высокая полная женщина с пышной копной огненно-рыжих, с легкой сединой волос.

– Дорогой, я же тебе объясняла, что никто не желал меня убить, я просто иду по стопам своего Учителя...

Черноглазая Ольга, восторженно глядя на меня, мгновенно была заглушена яростным басом почти двухметрового старика:

– В семействе Кооп никогда не было убийц! Разбирайся сам со своей чокнутой женушкой...

– Тут же все ясно – твоя Ольга сама хотела себя убить, все ясно, какие такие убийцы! – тут же забормотала, словно курица на насесте, без конца повторяя одни и те же слова, мелкая быстроглазая женщина – точная копия рыжей великанши, за исключением роста, а стало быть, скорей всего, ее сестра.

– Татьяна Иванова – самый знаменитый детектив, я читала о ней классную статью в «Тарасовском Арбате»! – Тут на первый план вышел звонкий голос давешней девчонки Натальи, что встретила нас с Германом при входе в дом.

Наталью тут же перебила ее копия – девушка с теми же лицом и фигурой, но зеленоглазая, с волосами иссиня-черного цвета и эффектной стрижкой каре:

– А тебя никто не просил встреть, помолчи лучше!

– Сама молчи!

– Я тебе поогрызаюсь, малявка!

– Девочки, ведите себя прилично, перестаньте толкаться!

– Не понимаю, зачем я здесь трачу время, сынок?..

Герман, постепенно багровея, бросил на меня извиняю-

щий взгляд и попытался перекрыть весь тарарам:

– Потише, дорогие мои! Прошу вас, ведите себя достойно...

Его голос моментально потонул в общем гаме. Вот тогда он и гаркнул – единственный раз за все время нашего знакомства, так что этот яростный вопль я запомнила на всю оставшуюся жизнь:

– А ну, заткнитесь! Орете, как какое-нибудь сумасшедшее итальянское семейство! Имейте хотя бы минимум уважения ко мне, если не как к родственнику, то как к своему безвозмездному спонсору!

И вновь в комнате мгновенно повисла почти ледяная тишина.

Герман обтер лицо белоснежным носовым платком и, стараясь сдерживать все свои явно резко негативные эмоции, проговорил сквозь зубы, медленно переводя потемневший взгляд с одного лица на другое:

– Я с вами не советовался, я просто ввел вас в курс дела. Кто чем-то недоволен – прошу покинуть мой дом. Тот, кто остается, должен отвечать на все вопросы Татьяны, не увиливая. Вот и все, что я хотел вам сообщить. Все свободны.

Он поднялся, явно приглашая всех покинуть кабинет. Народ это понял и молча, все в той же ледяной тишине, выплыл друг за дружкой за дверь. Осталась одна лишь Ольга, которая все так же сидела в своем кресле и все так же смотрела на меня с ясной улыбкой посвященной.

– Вы сами все видели, – Герман постарался взглянуть на меня спокойно, старательно не замечая супругу. – Работа вам предстоит непростая – это не семейство, а цыганский табор, дикий кагал. Но я надеюсь, вы все быстро расставите по полочкам.

– Татьяна, а вы читали книги Софьи Златогорской? – внезапно раздался голос Ольги, и мы с Германом одновременно развернулись к ней.

Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, тепло и радостно улыбаясь, как будто это не ее дважды пытались убить.

– Честно говоря, я лишь немного читала о ней, – ответила я, рассматривая лицо Ольги, боковым зрением отметив, как испуганно дернулся Герман, очевидно побоявшийся, что моя реакция, как и в ресторане, будет негативной.

Услышав мой вполне спокойный ответ, он встал.

– Я должна рассказать вам, – она тут же замахала на саму себя руками. – Нет, лучше возьмите книги Софьи и сами непременно их прочтите, уверяю вас, вы ничуть не пожалеете. Все труды Софи удивительны, как удивительна сама ее судьба. А я иду по ее стопам, по стопам Софьи Златогорской, – с переездом в этот дом у меня все происходит точно так, как происходило у нее!

Глаза Ольги горели от радостного возбуждения.

Я кивнула и перевела взгляд на Германа, который тревожно наблюдал за нами, замерев у окна.

— Герман, вы можете отправляться в свой офис и работать, выкинув все домашние проблемы из головы, — я успокаивающе кивнула. — Доверьтесь мне. Я останусь здесь и для начала постараюсь пообщаться с отдельными персонами. В частности, мне будет чрезвычайно полезно и общение с вашей супругой.

Герман только судорожно сглотнул, подхватил свой плащ и шляпу, сумбурно простился и вылетел вон, словно боялся в последний момент все испортить каким-нибудь не тем словом или жестом.

Мы с Ольгой остались одни в полутемном кабинете, тускло освещенном лишь светом от окна.

— Ольга, расскажите мне, пожалуйста, что больше всего привлекает в самой личности Софьи Златогорской именно вас и в чем, на ваш взгляд, заключается главная основа ее учения.

Я постаралась, чтобы мой голос звучал суперспокойно и лишь самую малость заинтересованно.

Ольга взглянула на меня с долей лукавства и рассмеялась.

— Мне кажется, вы сами все знаете, просто играете со мной, как с ребенком, — она беззаботно рассмеялась, блаженно откинувшись на мягкую спинку своего кресла. — Понимаю: вы, как и почти все россияне, толком не верите ни в бога, ни в черта. И все-таки это выше нас: в вас точно живет дух Софьи Златогорской, хотите вы того или нет. Быть может, именно потому вам и удастся так быстро и точно разга-

дывать все эти детективные истории... Так что же вас интересовало?

Я, все так же мирно и спокойно, повторила свой вопрос слово в слово. Ольга на мгновение задумалась.

– Я прочла все труды Златогорской. Если сказать в двух словах, то основа ее учения проста: человек состоит из физического и астрального тел, над которыми царит вечный и бессмертный дух. Волшебное триединство. Вот почему при настоящей вере мы можем совершать удивительные путешествия не только в пространстве, но и во времени. Можете представить? К примеру, племянница Германа Натали страстно увлечена рунами. Так вот, она вполне могла бы совершить путешествие во времена первых скандинавских магов и лично встретиться с великим Одином.

Так-так-так! Мой кругозор расширялся стремительными темпами – еще немного, и я буду супер-пупер-специалистом не только в области гадания на костях, но и по части рун, магии и прочего в том же духе. Вчера я полвечера просидела, читая основные вехи из жизни Златогорской, теперь мне предлагается заглянуть на страничку рун, чтобы хотя бы быть в курсе, кто есть «великий Один».

Я слегка откашлялась и взглянула на Ольгу взглядом Фомы неверующего.

– Ольга, а теперь я предлагаю: давайте опустим всю вашу магию и поговорим о грубой прозе бытия...

Она не дала мне договорить:

– Грубой прозой бытия у нас, слава богу, занимается Светлана – незамужняя и бездетная старшая сестра Германа. Она прекрасно готовит и просто виртуозно все убирает-вычищает. Немка, одно слово! Порядок у нее в крови.

Господи, как все-таки непросто вести беседу с такими вот неординарными личностями из числа последователей великих адептов!

– Извиняюсь, говоря о прозе бытия, я имела в виду несколько другое: о двух попытках вас убить. Я слышала, что вы относитесь к ним несколько по-своему, но вот даже эта наша с вами короткая беседа показывает, что вы вполне разумный человек, способный сложить два и два.

– Я все понимаю, – вновь перебила меня нетерпеливая Ольга, все так же радостно блестя шоколадными глазами. – Да-да-да, все в этом доме полагают, что я хотела покончить жизнь самоубийством, а на ваш взгляд, меня кто-то хотел прибить. Но я-то живу немного другими ценностями и прекрасно знаю: смерти нет, каждый случай, когда человек по тем или иным причинам попадает в реанимацию или попросту теряет сознание, перед ним открывает ворота чудесного мира. А это значит, что если даже и существует тот несчастный человек, который полагает, что желает меня убить, то на самом деле он попросту избран высшими силами за определенные грехи, чтобы стать прислужником в моих уроках смерти. И если бы попытка убийства удалась, то для меня на высшем уровне это было бы лишь благодатью: мне облегчи-

ли переход на новый уровень – в новое тело, в новую жизнь. Вся наша жизнь – только ступени лестницы. Удачная попытка убийцы – лишь знак: мне пора подниматься на ступень выше, вот и все!

– Ага, – поспешила уточнить я, – значит, все-таки и вы сами признаете возможность попыток убийства. Можете ли вы вот сейчас четко повторить, что сами не делали попыток убить себя?

Она смотрела на меня так ясно, что на мгновение я застыдилась своей примитивности: надо же, обзывать восхождение на более высокую ступень лестницы банальным словом «убийство»!

– А вот этого я сказать не могу. Видите ли, все это происходило в состоянии транса – увы, я ничего не помню. Может быть, для моих уроков смерти ко мне являлась сама Софи, ее душа, возможно, она дала мне в руки оружие, хотя наяву я ужасно всего этого боюсь. Понимаете, в этом и есть смысл уроков, которые проходила Софья Златогорская, а теперь прохожу я: учиться убивать не себя – свой страх перед смертью.

Ну что тут скажешь?

– Допустим. И все-таки, если принять вариант, что стреляли в себя все-таки не вы, мне чисто из простого человеческого любопытства интересно вычислить, кого же высшие силы избрали для святой миссии пальнуть в вас из пистолета.

– А вот я этого знать не желаю, – тут она впервые посмот-

рела на меня испуганными глазами. – Вы ведь сразу засадите эту невинную душу в тюрьму! Хотя я-то уверена, что никого лишнего в тот вечер в нашей комнате не было, и Софи сама протянула мне пистолет...

Тут она явно сбилась с хода собственных мыслей, лишь только представив себя с пистолетом в руках, – зажмурилась и замахала обеими руками, словно отгоняя от себя назойливых мух. Затем наконец-то открыла глаза и глубоко вздохнула, улыбнувшись мне, как умственно отсталой.

– Как вы не понимаете – вовсе никто не хочет меня убить, просто я повторяю путь Софьи Златогорской.

Прости меня, господи, и за все сразу!

– И сколько раз ваша Софи пыталась покончить с собой?

На ее лице отразилась такая по-детски чистая обида, что впору было раскаяться в собственном ехидстве.

– Нет, вы говорите с такой иронией, значит, совсем не верите мне. Неважно, сколько раз Софи проходила свои уроки – потому как то, что вы называете попытками самоубийства, на самом деле было для нее восхождением по лестнице на небеса, она называла это так, как учил Гермес Трисмегист, – уроками смерти.

– И в чем же конкретно заключаются эти уроки?

– В том, чтобы понять и принять душой простой факт: смерти нет. То, что мы называем смертью, чего так боимся, на самом деле лишь наш проводник на следующую ступень – ступень выше. Когда это понимаешь, жизнь наполняется но-

вым, радостным смыслом. А первый знак, что все это – лишь урок, налицо: у меня, как и у Софи, все раны заживали быстро, буквально за два-три дня!

Да уж, насколько проще допрашивать простых людей, пусть они трижды преступники и повинны в самых страшных грехах. А тут впору запеть мантры.

Ольга смотрела на меня все с той же просветленной улыбкой, с какой мудрая мать смотрит на расшалившееся дитя.

Что ж, на нет и суда нет. И все-таки стоило сделать еще одну, последнюю попытку:

– Хорошо, будь по-вашему, но у меня есть еще один, совсем невинный вопрос. Ваш муж рассказывал мне, что перед тем, как отправиться в подвал...

Она тут же едва ли не подпрыгнула от возмущения и даже взволнованно и негодуяще взмахнула руками.

– В Зал Свободы!

– Ну, в Зал Свободы... Так вот, вы отправились туда, потому как «услышали голос». Так вот, вы можете мне описать, что это был за голос? Гулкий, нежный, громкий, бас или тенор...

Ольга внезапно вся порозовела и быстро опустила глазки на собственные пальчики с обкусанными ноготками, которые быстро-быстро сматывали-наматывали кусочек нитки.

Режьте меня, убивайте, но могу поклясться чем угодно: девушка как пить дать насчет прозвучавшего ей «голоса» любимому супругу соврала – чтобы ни в чем не уступить ве-

ликой Софи!

Она тут же поняла свою промашку и заговорила торопливо и сбивчиво, словно вдруг вспомнив, что ей давно пора по делам:

– Я же вам уже говорила, что находилась в состоянии транса. Я просто слышала, как звучали музыка, голоса...

– Голоса? Выходит, звучал не один голос, а несколько?

– Голос – голоса, какая разница! – Ее глаза наполнились слезами. – Говорю вам, я толком ничего не помню.

Некоторое время мы помолчали, рассеянно слушая тиканье часов. Ольга, первой придя в себя, глубоко вздохнула и вновь улыбнулась мне своей «фирменной» просветленной улыбкой.

– И все-таки, если вы когда-нибудь прочтете автобиографию Златогорской, написанную ею самой, то узнаете: она успешно прошла все уроки смерти, победила свой страх, и смерть – мудрый проводник – пришла к ней ровно в тридцать три года. Софи Златогорская мирно уснула и не проснулась в нашей жизни.

Ольга произнесла слово «нашей» с особой, слегка пренебрежительной интонацией и в очередной раз кивнула мне, все так же улыбаясь:

– Так что и вы, и мой милый Герман можете не переживать: мне до тридцати трех лет еще далековато.

Тут она, задержавшись на мне взглядом, невольно вздрогнула и передернула плечами, словно кто-то положил ей

горсть снега на затылок.

– Послушайте, но неужели вы сами никогда не задумывались – откуда это удивительное сходство вашего лица с лицом великой Софи?!

Я поняла, что эту беседу пора завершать, поднялась и, в свою очередь, тепло, если не сказать сердечно, улыбнулась Ольге.

– Признаться, у меня нет лишнего времени размышлять о своей внешности – обычно клиенты просят меня подумать об их благополучии и безопасности, потому как большинство людей, как правило, испытывают простой человеческий страх перед смертью или перед вашим проводником – как это ни назови.

Я поднялась.

– А теперь вы не могли бы проводить меня к вашим родителям?

Ольга тут же, без лишних вопросов направилась к двери.

– Следуйте за мной! Но сразу предупреждаю: с моими родителями вам особо не о чем будет говорить – мама увлечена одним лишь вязанием, а папа помешан на сканвордах. Идемте!

Глава 7

Да уж, что ни говори, а обитатели этого дома были попросту уникальны – каждый по-своему.

Родители Ольги действительно оказались милейшими людьми, которые выглядели одинаково отстраненными как от реалий нашей жизни с ее перманентным повышением цен и прочими катаклизмами, так и от высоких духовных переживаний родной дочери. Любимый зять Герман дал им кров, стол и хлеб, маме, Елене Николаевне, – возможность приобретать любую пряжу для любых вязаний, папе, Ивану Петровичу, – еженедельный набор газет и журналов со сканвордами. Что еще нужно для счастья среднестатистическому россиянину? Этой паре – абсолютно ничего, оба были стопроцентно счастливы.

– Я сто раз говорила Ольге, чтобы не маялась дурью, – с первых же слов закусил удила Елена Николаевна. – Вязать учиться она не желает, а между тем это удивительнейшее занятие – какие только модели я не вязала, одна эффектнее другой! И, кстати сказать, с Германом Ольга познакомилась, будучи обряжена в платье моей вязки. Так что, к слову, я вполне заслужила право жить под кровом зятя – его очаровали и моя дочь, и платье моей работы!

Завершив свою тираду, она очаровательно улыбнулась и с чувством исполненного долга опустила глазки к спицам,

которые тут же с легким звоном замелькали в ее проворных пальцах.

Иван Петрович, в свою очередь, лишь на пару минут оторвал взгляд от сканворда и что-то невнятно пробурчал.

– А что вы думаете о двух случаях, когда ваша дочь едва не погибла? Как считаете лично вы: что это было? Быть может, все-таки кто-то пытался убить Ольгу?

Задавая этот вопрос, я с особым вниманием наблюдала за безмятежными лицами этих на редкость отрешенных от нашего грешного бытия людей.

Елена Николаевна мгновенно вспыхнула, инстинктивно бросив взгляд в сторону входной двери, а Иван Петрович на пару минут оторвался от своего увлекательнейшего сканворда, заложив ручку себе за ухо.

– Надеюсь, нас-то вы не подозреваете в этом ужасе?

Мать, мимолетно нахмурившись, бросила взгляд на дочь, которая с самым равнодушным видом разглядывала свои пальчики с обкусанными, как у девочки-подростка, ноготками.

– Для нас Ольга – дочь, родная кровинушка, мы ей желаем жить до ста лет в здравии и благополучии да нас дедушкой-бабушкой поскорее сделать. Ну, а что там на самом деле произошло...

Она шумно вздохнула и покачала головой.

– Знаете, этот дом такой странный... Нечистый дом! То голоса какие-то слышатся, то такая странная музыка... По-

нятия не имею, что тут происходит, и только надеюсь, что Ольга не дошла до такого греха – стрелять в себя!

Она не без патетики взмахнула руками, и спицы, крепко зажатые в ее пальцах, громко звякнули.

– Просто ужас какой-то, признаться, даже вспоминать об этом, думать не желаю! Наша Оленька – и самоубийца! Но почему? Ведь мы ее так любим. А уж муж и вовсе готов ради нее горы свернуть...

Она успокоилась совершенно неожиданно – улыбнулась, как ни в чем не бывало, и вновь принялась вязать, продолжая свой монолог без тени трагизма, но с нотками завершения:

– Ужас, просто ужас. Но в конце концов, вас ведь для того и наняли, чтобы вы во всем этом кошмаре разобрались. Вот и разбирайтесь, ради бога, вам за это заплатят!

Иван Петрович все время, что длилась тирада его супруги, то молча смотрел на дочь, то переводил сонные блеклые глазки на меня. Наконец и он выдал свою реплику:

– Просто так ни один кирпич на голову не упадет! А Ольга у нас далеко не дура, поверьте мне на слово.

Вот так вот – понимай как хочешь! Что конкретно хотел сказать этот убеленный сединами, с виду вполне разумный старик, я так и не поняла. С одной стороны, метафора с кирпичом должна означать, что, стало быть, его дочь все случившиеся ЧП если и не заслужила, то притянула своими мыслями и поступками; с другой стороны, она – «не дура». Не намек ли это, что Ольга сама «пишет сценарии» событий своей

жизни, включая все кирпичи да стрельбу?

Впрочем, Иван Петрович тут же вновь с головой окунулся в свой увлекательнейший мир сканвордов и кроссвордов: напялил очки на нос, поводил ручкой по колонкам и внезапно обвел нас просветленным взглядом поверх очков:

– А ну-ка, кто в курсе имени философа из ванны?

Встретив в ответ лишь наши непонимающие и недоуменные взгляды, он звучно расхохотался:

– Довожу до вашего сведения, что это – Архимед. Интересно? То-то же, теперь будете знать!..

Ольга торжествующе улыбнулась с выражением «Я же вам говорила!» и повела меня дальше по коридору, до двери, за которой, судя по доносившимся звукам, разыгрывались роковые страсти.

Я недоуменно взглянула на Ольгу, а она только пренебрежительно передернула плечами:

– Здесь у нас апартаменты родителей Германа, а его мать живет одними сериалами. Хорошо хоть не бразильскими!

Знакомство с предками Германа вышло еще короче: его мать, Нина Михайловна (в ее шестьдесят с гаком весьма эффектная женщина в стиле Мерил Стрип), полулежала перед суперплоским экраном телевизора в удобном кресле, вытянув ножки в плюшевых брючках. Говоря языком Ольги и ее Учителя Софи, Нина Михайловна всецело пребывала в пятом измерении – том самом, где обитают вымышленные ге-

рой и где рождаются и растут наши дивные мечты.

При виде нас Нина Михайловна только капризно нахмурилась и нетерпеливо щелкнула пальцами:

– О нет! Извиняюсь, мои дорогие агаты кристи, но у меня – кульминационная серия. Приходите с вашими расспросами через часок, хотя сказать мне нечего – за соседями не слежу, предпочитаю телесериалы, а сама никого не убивала и в ближайшие десять лет не планирую.

При том, как в сильнейшем раздражении ответила на мой вопрос Мадам Сериал, ее супруг почивал в соседней комнате-спальне, потому как с наступлением осени он «как медведь, отправляется в спячку». Признаться, впервые меня выставили из апартаментов за какие-то считанные секунды. Как говорит один мой старый мудрый приятель, «жизнь груба».

Глава 8

Итак, я прошла вслед за своей добровольной проводницей первые апартаменты нечистого дома, повидала две пары, а толку было – ни на грош. Ольга смотрела на меня со снисходительной улыбкой, так что впору было напомнить ей, чей дух живет в моем дивном теле – по ее же собственным откровениям.

– Неужели вам хочется еще общаться с нашим милым семейством? – спросила она, внезапно нахмурившись, как будто прочитав мои мысли, а может, услышав голос свыше. – Уверяю вас, чем дальше, тем будет хуже. Что касается сестриц Германа, то с ними я предпочитаю встречаться как можно реже. К примеру, ту, выступление которой вы сегодня уже слышали, лучше вообще обойти стороной, а то узнаешь такое! Это старая дева Светлана – она прекрасно готовит и следит за чистотой в доме, но во всем остальном просто ужасна. Как торговка с рынка.

Я посмотрела на Ольгу. Удивительное дело: она разговаривала, улыбалась, даже подшучивала – все как обычный человек. А ведь совсем недавно, в тот первый вечер нашей встречи в «Каире», она едва не кинулась мне в ноги! И несла какую-то чушь, безумно блестя глазами...

– Кстати, скажите честно: ведь сегодня вы видели во сне, как мы с вами, взявшись за руки, взлетали вверх, на самую

вершину пирамиды Хеопса? Я полночи направляла вам усиленные сигналы, вы обязательно должны были ощутить хоть что-то, хоть самую малость!..

Вот так: стоило мне сделать вывод, что Ольга – вполне нормальный человек, как она тут же сморозила свою «высокую» чушь про эти безумные прыжки по пирамидам! Как говорится в подобных случаях, хоть стой, хоть падай.

Я вздохнула и с сожалением посмотрела на в принципе милое и располагающее к себе лицо собеседницы.

– Ольга, просто поверьте мне на слово: сегодня я спала как убитая: ни снов, ни бреда, ни откровений свыше. Ведите меня дальше. Кто там у нас на очереди?..

Следующей я посетила ту самую огненноволосую женщину по имени Светлана, которую Ольга так нелюбезно представила мне «торговкой с рынка». Да уж, если говорить о соответствии имени и внешнего облика, то здесь все совпадало: имя Светлана – от слова «свет», и сама обладательница имени была женщиной с удивительно светлым, в рыжих конопушках, лицом и рыжими волосами, которые, казалось, вот-вот вспыхнут.

Она сама вышла из дверей своих апартаментов в самом конце коридора и встала, воинственно подбоченясь.

– Небось мимо меня не пройдете, господа хорошие!

Этот ее рык-выкрик был то ли вопросом с ноткой угрозы, то ли простой констатацией факта: дескать, не пройдете ми-

мо, не пропущу!

А между тем никто и не собирался проходить мимо, и если эта рыжая мадам пыталась напугать меня своими голосом и позой, то не на ту напала. Я смерила ее взглядом с головы до пят и демонстративно заглянула в список, любезно предоставленный мне Германом.

– Светлана Петровна, если не ошибаюсь? Буду рада с вами пообщаться.

Дама сразу сбавила тон.

– И мы всегда рады, – тут она решительно кивнула в сторону мгновенно заскучавшей Ольги. – Только без нее! Пусть идет свои мантры читать.

Ольга тут же исчезла, не произнеся ни слова, – в лучших традициях нечистого дома она попросту скользнула в сторону ближайшего выхода на лестницу, что связывала меж собой оба этажа, в одно мгновение растаяв в темноте, словно была не земной женщиной, а духом бесплотным.

Ну, а мне только и оставалось, что проследовать за огненноволосой фурией в ее апартаменты.

У фурии были апартаменты образцового содержания – ни пылинки, ни соринки, шик, блеск, красота; на диванчике – едва ли не сверкающий пушистый плед и идеальные подушечки, на которые, казалось, сроду никто в жизни не облокачивался, на новомодный плоский телевизор была накинута старомодная белоснежная накидка с вышивкой.

Пройдя вслед за хозяйкой, я пару минут пребывала в растерянности: куда же сесть, дабы ничего не помять? И тут хозяйка сама царским жестом указала мне на одно из кресел, что стояли ровнехонько друг против друга у окна:

– Садитесь. Чай будете?

Я воздержалась от чая, хозяйка милостиво кивнула и неторопливо уселась в кресло напротив меня. Как говорится, глаза в глаза. А глаза у Светланы Кооп были самые настоящие кошачьи – почти янтарного золотистого цвета, кажется, еще чуть-чуть – и из них брызнут огненные искры. Вот уж вам ведьма в чистом виде, которая и знать не хочет всю эту мутотень, предпочитая тратить свою немалую энергию на чистку полов и готовку здоровой пищи.

– Ну что, так и будем молчать? – гаркнула фурия.

Так мирно началась наша беседа.

Скажу, положив руку на сердце: беседа с этой здоровой во всех отношениях женщиной дала мне самое реальное представление об этом странном (нечистом!) доме и о людях, его населяющих.

– Начнем с начала, – не дожидаясь моих вопросов, произнесла Светлана. – В этот дурдом – а иначе я этот дом не называю! – мы все заселились ровно полгода назад, в конце апреля. Только-только пожили-обжились – и пошло-поехало...

Она громко фыркнула, скрестила на груди руки, с удовольствием откинулась на спинку кресла.

– Во-первых, все наше семейство Кооп сделало для себя открытие: наш любезный братец женился на чокнутой. А как вы еще назовете девку, которая, вместо того чтобы холить-нежить муженька да стараться как можно быстрее забеременеть, только и читает какие-то дурные книжки, поет странные песенки – мантры! – а все остальное время лазает по подвалу, словно она не взрослая женщина, а подросток!

И фурия торжествующе, с вызовом взглянула на меня своими янтарными глазами: дескать, что – скажешь, я не права?!

– А как, по вашему мнению, могло случиться, что сначала в этом самом подвале кто-то «уронил» на голову Ольге кусок стены, и почти тут же – то ли она сама в себя стреляла, то ли кто-то шибко умный сумел все так представить?

Светлана недовольно засопела.

– А какое тут может быть мое мнение? Коню ясно: кирпич на голову ей свалился точно сам по себе. Что тут и говорить: нечего по подвалам таскаться, не ребенок! Что касается стрельбы, – тут она округлила глаза и с силой приложила ладонь к своей груди, – тут уж, извиняюсь: сама она в себя пальнула! А чего вы хотите, чего ждете от девки, у которой не все дома? И кому, по-вашему, надо ее грохать? У нас тут каждый сам по себе живет, и у каждого – вагон своих проблем. Вот Инна, к примеру, со своими дочками замаялась. Сначала целый сериал был с любовью до гроба у Галки: влюбился в нее какой-то наркоман из класса. Ладно, доперло до

нее все-таки, что не чета он ей. Потом новые серии пошли – с выпускными экзаменами в школе да с платьями-шмотками к выпускному балу. Чуть не разорили девки мать! Потом начали было поступать туда да сюда, всюду документы раскидали, а в итоге никуда не прошли по конкурсу. Трагедия! Погоревали да утомонились...

Светлана сурово покачала головой.

– И так – у всех. Так что можете не сомневаться: делать нам нечего, как только таскаться по чужим спальням да палить в кого ни попадя! И вообще: у нас тут, кроме Ольги, любителей заумных книжек нет! А она сама, как только из больницы после первого ЧП выписалась, тут же заявила, что проходит какие-то там уроки.

Вновь – неодобрительное покачивание головой.

– Но уж если вы с Германом заодно, то одно могу сказать: лично я пушку в руках отродясь не держала и ни в кого не стреляла, так и зарубите себе на носу. К чему мне это? Меня и так все устраивает: сами видите – комната прекрасная, имеется моя личная ванна и еще спальня. Живи – не хочу! И, кстати сказать, свой долг перед братом я честно отрабатываю: кормлю весь дом.

Что ни говори, а звучало все это вполне убедительно. Я перевела взгляд со столь колоритной сестрицы Германа на окно, за которым все так же уныло стучал по подоконнику серый дождь.

– А вы не могли бы как можно подробнее описать тот ве-

чер: день рождения Ольги, когда Герман еще не вернулся с работы. Чем были заняты вы, кого и где встречали в тот день, кто что говорил, и все в том же роде.

Она вновь только звучно фыркнула.

– А что тут помнить-то? Я в тот день с утра пораньше тортом да прочими праздничными блюдами была занята, из кухни практически не вылезала. Не знаю, вы сами-то умеете готовить? Если да, то знаете: подготовка праздничного стола – дело хлопотное да муторное, особенно когда помощников нет. Вот и я с утра начала овощи варить да чистить, нарезать-шинковать. Первым делом, конечно, занялась салатиками. Все как положено, оформила – и в холодильник. Тут дело к девяти подошло, народ начал за чайком-бутербродиками подтягиваться. Первой Галка залетела, Инкина дочка, по-быстрому перекусила, чай выпила и смылась куда-то – на ней пальто было. Потом сама Инка зашла, навернула картофельное пюре с котлетой – все, что с вечера оставалось, умяла за милую душу. Мария взяла бутерброды и тут же смылась, сказала, что Гоша наверху кофе с круассанами пьет...

– А Ольга? Она заходила завтракать?

Светлана даже покраснела от своего промаха.

– Черт, совсем забыла сразу сказать: Ольга с ранья забегает, берет все косточки-отходы с кухни и несется в парк – угощать бездомных кошек да собак, это у нее с первого дня повелось. А что сама она ест – понятия не имею. Наверное, как все чокнутые, – духом святым живет. Единственно, что

точно знаю, она – большая любительница чая. Вот за ним частенько забегает, литрами глушит. Так и в день ее рождения было: с утра забегала, чай выдула, косточки собрала – и в парк, живые бездомное кормить.

– Хорошо. Что было дальше?

Она шумно вздохнула и оперлась подбородком о свою руку.

– Вроде больше никто не ходил. Герман свой утренний кофе с завтраком только ровно в девять в офисе пьет, это давно заведено. Ну, а я, после того как с салатами расправилась, отправилась на рынок за парным мясом, чтобы отбивные соорудить...

Я вновь поспешила ненавязчиво ее перебить:

– А когда выходили из дома – никого не встретили?

Она тут же нахмурилась.

– Уж и не помню толком... Вроде никого... А, нет, Натка, вторая дочка Инны, она сверху, с лестницы на меня глянула и спросила, остались ли гренки на кухне. Я сказала, что параштук в микроволновке лежит. Вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.